

Пока остальные члены семьи Уизли беспокойно спали, Гарри и Билл молча сидели за деревянным столом в «Норе». Билл открыл свою сумку и пустил вокруг стола пять благовонных свечей, бесшумно зажигая их своей палочкой, пока они одна за другой приближались к нему.

У них было очень мало причин для разговора. Предположительно, Гарри поговорит с мистером Уизли, который может поделиться своим опытом предыдущих десятилетий. Или, может быть, миссис Уизли, какой бы заботливой она ни была, которая, возможно, чувствовала себя потерянной сильнее, чем любой другой член семьи.

Вместо этого это были Билл и Гарри.

Каким-то образом Гарри было комфортно со старшим мужчиной. У Билла была аура спокойной уверенности, как будто ничто не могло по-настоящему вывести его из игры. В некотором смысле он не был похож на Уизли в традиционном понимании. Гарри ассоциировал семью Уизли с буйством, живостью, теплотой и домашним очагом. Билл был дружелюбным и дружелюбным, как и вся семья по-своему, но он был крут в обоих смыслах этого слова. Стильный и собранный. Серьги-драконы, а также хорошо скроенная одежда и идеальная осанка.

Старший сын Уизли был образцом того, чем мог бы восхищаться впечатлительный подросток. Гарри больше не был очень впечатлительным, ни в каком значимом смысле. Но внутренний ребенок остается гораздо дольше, чем ваша невинность, когда вы имеете дело с грозным старшим представителем вашего поколения. Гарри было трудно не смотреть на этого человека снизу вверх.

— Я не думал, что когда-нибудь сделаю это с тобой, — признался Гарри после того, как они несколько минут спокойно наслаждались запахами волшебных благовоний.

— У тебя есть с кем еще это сделать? — спросил он добрым, мягким голосом.

— У нас всегда есть выбор, — сказал Гарри, пустым взглядом глядя на ближайший к нему ладан. — Но ты чувствовал себя лучше.

«Думаю, моя семья не очень-то склонна к внутренним размышлениям», — тихо усмехнулся Билл и устало вздохнул. «Хотя нам это может понадобиться больше, чем большинству».

«Почему вы такие разные?»

— От них или от всех остальных?

"Оба, я думаю."

— Ну, — тяжело вздохнул он, откинувшись на спинку стула. «Легкий ответ заключается в том,

что медитация — важный инструмент для Разрушителей проклятий, и медитация меняет вас».

"А как насчет правильного ответа?" — спросил Гарри после некоторого молчания. Билл снова усмехнулся.

— Ты умнее, чем выдаешь, не так ли, Гарри? — спросил он, прежде чем посмотреть вверх, скрестив руки. «В Гринготтсе мы работаем с волшебниками со всего мира. Когда я только начинал свою карьеру с гоблинами, они отправили меня в ученики к пожилой тайской женщине. Разрушение проклятия. Вместо этого она усадила меня, зажгла ладан из дома, и мы поговорили.

«Поначалу разговоры были неестественными», — ухмыльнулся Билл, снова глядя на Гарри. «Англичане в целом очень эмоционально неразумны, и я ничем не отличался. Мое мышление отдавало приоритет работе, думая, что приключения могут дать мне смысл жизни. Открывая неизвестные тайны мира, я мог найти себя. В этом нет ничего плохого. найти удовлетворение в своей профессии, но я не думаю, что ваша работа может дать какое-либо чувство собственного достоинства. Шло время, я все больше и больше знакомился с ее верованиями. Что ты знаешь о буддизме, Гарри?»

— Почти ничего, кроме имени, — тихо ответил он.

— Я не буддист, — мягко произнес Билл. «Так что не верьте мне на слово. Но в буддизме есть концепция, которая меня очаровала. Маранасати. Иногда ее называют медитацией как подготовкой к смерти ».

Они оба разделили сострадательное молчание, поскольку и Гарри, и Билл уделили минуту молчания людям в своей жизни, которых они оба потеряли.

«Размышление о смерти поначалу кажется болезненным», — признал Билл со слабой ухмылкой. «Это неприятно с нашей точки зрения. Я не верю в буддийское перерождение или нирвану, поэтому думать о смерти было размышлением о небытии, вакууме чувств. Дамблдор любит называть смерть Следующим Великим Приключением. Однажды Гринготтс сказал мне слова художника и ученого из его страны. « Я иду искать Великое Возможно», — сказал он. Я восхищался мудростью его слов, но каждый раз, когда я думал о смерти в таких терминах, я чувствовал ужасная спираль бурлит в моем животе».

«Мне не нравится много об этом думать. Это напоминает мне о...» Гарри заколебался, прежде чем напомнить себе, что этот сеанс был тем, о чем он просил. «О моих родителях».

"Это понятно," Билл минутно кивнул. «Очень немногие люди с твоим прошлым могут размышлять о смерти и не чувствовать дискомфорта. Но осознанность смерти — вот что заставило меня измениться, Гарри. Мы видим удивительные вещи каждый день по взмаху палочки, но мы ничего не можем сделать. может заставить смерть уйти навсегда. Люди появляются, а затем умирают. Наше эго пытается раздуть нашу значимость и кричать о том, что мы исключительные случаи, но это не так.

"Я думаю, что я единственный член этой семьи, который действительно принял это," продолжил Билл с расфокусированным взглядом. «Понимание того, что я ничего не могу сделать, чтобы вырваться из когтей Завесы, помогло мне намного легче думать о том, кто я есть под всем моим опытом. Мама так и не смогла пережить смерть своих братьев — и она стала такой задыхающейся Мысль о потере ее детей привела к тому, что и Чарли, и я покинули страну, как только смогли. Папа, благослови его Геката, так увлечен повседневными делами, что предпочитает не задумываться о чем-то кроме того, что видит и слышит Перси. кажется, работает под впечатлением, что он может построить настолько обширное наследие, что сможет спрятать под ним все свои проблемы и никогда больше о них не думать. Близнецы скрывают боль и неуверенность за шалостями и безграничной энергией.

— Я много раз был близок к смерти, — мягко ответил Гарри. «Я не очень этого боюсь, но эта мысль заставляет меня чувствовать себя некомфортно. Как вы думаете, может ли размышление над этим помочь мне понять, кто я и во что я верю?»

«Это помогло мне, но трудно сказать», — признался Билл, мягко пожав плечами, прежде чем взглянуть на Гарри с пронизательным выражением лица. "Ты когда-нибудь влюблялся?"

— Не совсем, — ответил Гарри с некоторым замешательством в голосе.

«Когда большинство людей осознают, что влюбились, момент щелчка не наступает», — ответил Билл, щелкнув пальцами. «В вашей голове не слышно хлопков или звуков ангелов. Вы идете в столовую, чтобы купить тыквенный пирог, и вдруг вы его получаете. Вы влюблены. Самореализация во многом похожа на это. быть легко понятым до тех пор, пока вы его не поймете. И тогда вы это сделаете».

«Это делает его таким невероятно далеким», — нахмурился Гарри, глядя на свои колени.

«Не существует такой вещи, как дистанция к самореализации. Могу ли я привести вам пример чего-то подобного?» Гарри кивнул, и Билл продолжил. «Я не счастливый человек. Это не значит, что я дуюсь или впадаю в депрессию, но быть счастливым человеком подразумевает состояние постоянства. Есть очень известная маггловская книга под названием « Анна Каренина», первая фраза которой такова: « Все счастливые семьи ». похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему». Это означает, что вы можете достичь счастья, выполнив ряд предварительных шагов, и что, чтобы быть несчастным, вы должны потерпеть неудачу хотя бы в одном из них. Я не думаю, что это правда, потому что понятие вечного счастья очень хрупкое. Узли — почти идеальное определение большой волшебной семьи, но вы были здесь раньше. Иногда близнецы заходят слишком далеко, или мама кричит слишком громко, или Рон слишком долго бездельничает, или Джинни слишком много жалуется. Искать счастья бесполезно, потому что это спектр сложных и несовершенных человеческих чувств.

«Я больше не ищу счастья в своей жизни. Я ищу смысл. Постоянно. Самореализация бесконечна. Я делаю то, что нахожу интересным. Я думаю, что интересоваться намного лучше, чем быть счастливым».

Гарри кивнул. Книга по этике, которую он то и дело читал все лето, доставила ему немало беспокойства по поводу выяснения своих убеждений. Гарри нашел несколько ответов, но еще больше вопросов. Он узнал то, во что не верил, но вариантов было так много, что выбор методом исключения был невозможен. По-прежнему казалось полезным размышлять о мотивах других, но Гарри, в отличие от Сириуса, казалось, проскальзывал сквозь трещины четких определений. Возможно, даже Сириус был слишком сложен, чтобы его можно было легко определить, и только далекий взгляд Гарри не позволял ему увидеть детали, опровергающие любые ярлыки.

Будут ли размышления о смерти способом узнать больше о себе? Гарри был не уверен.

«Можете ли вы рассказать мне больше о медитации?» — спросил он у Билла после того, как некоторое время обдумывал свои сомнения.

«О Маранасати или просто о медитации?»

«Просто медитация, пожалуйста».

— Конечно, — мягко улыбнулся Билл. «Медитация жизненно важна для любого волшебника. Большая часть магии эмоциональна. Отсюда и случайная магия, когда мы дети. облегчают определенные явления. Например, будучи студентом Хогвартса, я видел Дамблдора по-настоящему злым только один раз. Когда он приходит в ярость, вы можете почувствовать, как воздух вокруг него становится горячее, и это давление на ваши конечности делает это тебе трудно двигаться. Это не просто контраст между милым старым директором и Победителем Грин-де-Вальда. Это его магия утверждает себя.

«Я узнал об этом от профессора Люпина в прошлом году», — с гордостью подтвердил Гарри, заставив Билла усмехнуться.

«Ну, это один из примеров хорошего понимания своих эмоций. В этом случае вы поняли чувство радости и использовали его для изготовления чар Патронуса. Медитация об эмоциях, которая кажется наиболее полезной практикой для вашего самопознания, делать это с каждым чувством». Билл помедлил, прежде чем продолжить более мягким голосом. «Есть и другие вещи, которым медитация может научить вас относительно магии и искусств разума, но это не место для обсуждения».

— Понятно, — кивнул Гарри. Он никогда раньше не слышал об искусстве разума, но всегда мог спросить Салазара, когда тот вернется в Хогвартс. Этот разговор с Биллом в любом случае был о самопознании, а не об эзотерических областях магии.

— Могу я сделать что-нибудь еще для тебя, Гарри? — ласково спросил Билл.

Гарри посмотрел на старшего. В этот момент благовония уже не горели, и в воздухе оставался только их слабый аромат. «Я не знаю. Я не понимаю этого полностью».

— Я не ожидал, что ты это сделаешь, — усмехнулся он. "Это сложное дело, а ты еще молод. Ложись спать, Гарри. Волшебные благоговения часто приводят к очень ярким снам. Возможно, они скажут тебе что-то важное, а может быть, это будет просто классная поездка. избавиться от этого существования без маски, которое я использовал для этого разговора, и вернуться к тому, чтобы быть Крутым Большим Братом Биллом».

Гарри тихо рассмеялся, прежде чем застенчиво улыбнуться. «Спасибо, Билл. Я ценю это».

— Не упоминай об этом, Гарри. Seriously, не надо. Мама меня убьет.

Гарри позволил себе уснуть. Каким-то образом он знал, что не проснулся, но также был уверен, что это не обычный сон. Гарри чувствовал, как мелкая трава покалывает его спину, а когда Гарри шевельнул ногами, под его тяжестью сломалась сухая ветка. Сев и медленно открыв глаза, он очутился на большом кладбище.

Повсюду на, казалось бы, бескрайнем поле стояли кривые надгробия. Большинство из них не были богато украшены, просто носили странные имена, написанные на незнакомых ей языках. Некоторые могилы были величественны и высоки, полны декоративных элементов и дани уважения некогда прошлому величию, окруженные черными заборами из сцепленных копий длиной в метр, защищающими их от какого-то неизвестного врага. Но все они были странно кривые, одни треснули молниеносными узорами, другие окутаны мхом, а третьи еще были разорваны в клочья, будучи неузнаваемо тоскливыми. Вдали иногда появлялись разные деревья — все темные и зловещие. В частности, вдалеке светился гигантский английский тис, между его темными ветвями, лишенными всех листьев, странно блестела луна.

Гарри вяло направился к дереву, потому что никакая другая достопримечательность не казалась ему более привлекательной. Не то чтобы само дерево выглядело очень приветливо. Английский тис символизировал смерть и возрождение в кельтской культуре, и это значение перешло в современные европейские мифы. Не нужно было быть гением, чтобы увидеть, что дерево отмечает что-то важное. В этом запутанном месте больше некуда было идти.

Так он и пошел.

Подойдя к дереву, он был поражен, увидев стаи ворон, внезапно появляющиеся из ниоткуда и летящие к тису. Гарри смутно припоминал, что коллектив ворон назывался убийством. В противном случае было бы забавно, если бы он не оказался на странном кладбище в глуши, где нет возможности вернуться в Нору.

Гарри, как ни странно, не сходил с ума из-за всего этого, что было откровенно удивительно. Любой обычный человек был бы не в своей тарелке в этой ситуации, не говоря уже о том, чтобы нахер. Даже с поправкой на Шкалу странностей Гарри-Поттера, опыт все еще преследовал. Но в глубине души он в основном чувствовал, что ему просто необходимо добраться до этого дерева.

Когда он подошел к дереву, удивленный огромным количеством ворон в этом районе - должно быть, там были сотни птиц, как будто этому месту нужны были какие-то другие намеки на связь со смертью - позади него раздался звук, заставивший он инстинктивно поворачивается и принимает поворот. Это звучало как пианино, но не совсем так. Как будто кто-то соорудил небесное фортепиано, сооруженное из ткани самой природы, украшенное облаками и нанизанное на ангельскую арфу, что делает звук чистой и невинной версией рояля. Тем не менее, звук был совершенно нечеловеческим, и, к его все возрастающему шоку, он исходил из вороньего клюва.

Каждая нота этого величественного инструмента исходила от отдельной птицы, и каждое животное терпеливо садилось на любую поверхность, которую они могли найти. Вороны много секунд гармонично пели фортепианные ноты, завораживая этим звуком юного волшебника. Он не мог оторвать глаз от причудливого зрелища, а в ушах приятно барабанило эхо их песни. Внезапно порыв ветра и яркий серебристый свет исходили сзади, ослепляя его на короткую секунду.

Слегка помассировав кулаками сомкнутые веки, он повернулся, все еще обращая внимание на крики ворон, которые теперь включали флейтоподобную мелодию, переложенную в странную приподнятую и прыгающую мелодию. Когда он открыл глаза со слезами, обжигающими уголки его глаз от этого ослепляющего света, Гарри замер.

На том месте, где еще минуту назад, как он был уверен, ничего не стояло, стояли две фигуры: мужчина вежливо кланялся и женщина делала легкий реверанс. Женщина была ближе всех и привлекала к себе внимание. Ее кожа слегка светилась в лунном свете, высокое и стройное тело было окутано длинным красным платьем без рукавов, ее руки были покрыты длинными атласными белыми перчатками, которые заканчивались намного выше ее локтей, позволяя только самой обнаженной части ее руки виднеться в темноте. Платье заканчивалось струящимися слоями вздымающегося и темнеющего бордового, которые элегантно касались земли. Гарри не мог видеть ее лица, потому что она не смотрела на молодого волшебника, но он мог видеть, что ее волосы были заплетены в косу и были такими же красными, как ее платье. Она была похожа на одного из персонажей романа Джейн Остин, который любил читать Салазар.

Мужчина, стоявший лицом к лицу с этой таинственной женщиной, был гораздо более тревожным. Он носил длинную черную мантию, приколотую к плечам, которая также спускалась до его ботинок. Под мантией были толстые подушечки из того, что выглядело как укрепленная змеиная кожа, покрывавшая его торс, и каждая чешуя сияла разным оттенком серого. На нем были черные штаны из змеиной кожи, а его сапоги пахли милитаризмом и производили мощное эхо, когда он ступал по траве, словно они были мраморными, а не растениями. Лицо у него было аристократическое и твердое, с высокими скулами и острым подбородком, но глаза были чистые и бездонно-черные, как будто они были порталами в черную дыру, куда, казалось, тянулись даже белки его глаз. Но что больше всего беспокоило Гарри, так это не его глаза, а то, что было лениво, но непреклонно привязано к его спине, пока он кружил вокруг странной краснокожей женщины. Это была коса.

Он был Смертью. Впервые с тех пор, как он прибыл сюда, Гарри почувствовал, как в его тело вползает страх. 'Я умер? — лихорадочно подумал он, задаваясь вопросом, не произошло ли что-то между его разговором с Биллом и сейчас.

Не заботясь о его смертности, две фигуры приблизились друг к другу, и когда они соприкоснулись, зверинец ворон начал летать вокруг них троих, а их песня становилась громче и сложнее. Фортепиано и флейта продолжали играть, но их сопровождали другие звуки. Свистулька, скрипка, виолончели и кларнеты — все играли свою музыку, и вороное скопление вокруг них тоже издавало странные звуки; звучит так же бесчеловечно и так же невообразимо, как новый видимый цвет, рождающийся в мире.

Фигуры танцевали и переплетались друг с другом в странных узорах, вальс переходящий в танго, а затем в нечто сбивающее с толку и неописуемое - вихрь конечностей и прикосновений, и ласк, и кружений. Мягкость и теплота, исходящие от обеих фигур, пробили страх Гарри и перезагрузили его мозг. Глаза женщины были небесно-голубыми, а улыбка теплой и манящей. Глаза мужчины не выдавали никаких эмоций, и, хотя его лицо было стоическим и твердым, в его прикосновениях не было ничего от неизбежности смерти, а в его движениях не было ничего болезненного.

Когда музыка стихла, обе фигуры повернулись друг к другу и посмотрели друг другу в глаза. Женщина начала ухмыляться, а мужчина нахмурил брови. Когда они повернулись к встревоженному волшебнику, смотревшему на них, ухмылка женщины превратилась в сияющую улыбку, а хмурый взгляд мужчины стал еще глубже. Обе фигуры в последний раз взглянули друг на друга, прежде чем мужчина отвернулся и исчез в небытии во вспышке дыма и черного света, а женщина осторожно подошла к Гарри. Когда женщина, наконец, подошла к нему, она осторожно приподняла его подбородок, чтобы вызвать зрительный контакт, и небесно-голубые глаза встретились с изумрудно-зелеными.

Красная женщина коснулась его лба, и тьма поглотила их обоих.

Когда Гарри проснулся, он был сильно сбит с толку. Убедившись, что Рон все еще глубоко спит, он подошел к своему сундуку и минуту поиграл с Сереной, прежде чем достать свой блокнот и записать на парселтанге все, что он мог вспомнить из сна, используя свое зачарованное перо.

Миссис Уизли уже встала, как и Билл, который нахально ухмыльнулся, несомненно наслаждаясь явно изумленным выражением лица молодого человека.

— О, Гарри, дорогой, ты так рано встал? Тебе снились кошмары с чемпионата мира по квиддичу? Она задала последний вопрос, как будто ответ был уже известен, и сразу же погладила его, как будто этот поступок избавил его от любых затянувшихся недовольных, преследующих его разум. «Я не могу поверить, что Артур оставил тебя там, чтобы сражаться с Пожирателями смерти» .

«Не волнуйтесь, миссис Уизли, я отлично выпалась!» Он широко улыбнулся, зная, что это отвлечет ее от потока мыслей, который катился по рельсам от второй точки. Если позволить этому свободно пробежать мимо, это вызовет много криков за завтраком. «Я просто предпочитаю рано вставать, вот и все».

«Хорошо, — нерешительно уступила она, прежде чем повернуться и пойти обратно к своей

духовке. «Но у меня нет ничего готового для вас, и вы, должно быть, проголодались! Хочешь, по крайней мере, тост и чашку чая?»

Прежде чем Гарри успел ответить, мимо пролетела сова и швырнула на стол «Ежедневный пророк». Билл поднял его и быстро нахмурился, бросая бумагу обратно с выражением отвращения на лице. Его мать, казалось, была готова увещевать его, прежде чем она посмотрела на заголовок и остановилась как вкопанная, возмущенное выражение на ее лице, когда она сжимала газету двумя дрожащими руками, игнорируя еду, готовящуюся позади нее. Однако Гарри не придавал этому особого значения. Он смотрел на окно, из которого сова вошла в Нору, потому что он мог видеть разноцветную птицу, летящую по кругу с письмом. Это был тукан ?

Сбитый с толку птицей и воспользовавшись беспорядком на кухне, Гарри пробормотал что-то о выходе на улицу и вышел, чтобы рассмотреть ее поближе. Когда тукан увидел Гарри, он тут же нырнул в его сторону, оставил письмо у него на руках и улетел. Гарри нахмурился, глядя на письмо, узнав черный герб на печати. Это был Сириус, от которого он давно ничего не слышал, но почему тукан?

Он сунул письмо в карман и вернулся внутрь, и на этот раз Перси тоже был там, читая газету с озадаченным выражением лица.

— Это невероятно, — прошептал он. В его тоне не было ни капли его обычного апломба, и в этот момент сработала внутренняя система тревоги Гарри. Билл, испытывающий отвращение, и Молли, разозлившаяся, — это одно, но для того, чтобы Перси отказался от своей обычной снисходительности, должно было произойти что-то ужасное. «Я не могу поверить, что они сделали это».

— Ты не можешь, Перс? Билл усмехнулся, но без пыла. «Я возмущен, но не удивлен. Это снова защита Империи».

— Но как они могут отрицать это ? — спросил Перси с широко раскрытыми глазами, отдавая газету одной рукой и удерживая ее другой. «Я видел это. Ты видел, как он упал . Гарри покаутировал его . Он был одет в одежду, а на его палочке были заклинания, когда мадам Боунс наложила на нее *Priori Incantato* ».

«Согласно Министерству, запись о палочке лорда Крэбба просто показывает заклинания, наложенные этой палочкой, и не доказывает, что он не потерял ее в суматохе. Бунтарь может использовать любую потерянную палочку», — процитировал Билл фразу прямо из газеты перед недовольно взглянул на брата.

— Но это чушь ! Перси запнулся. «Этот человек был Пожирателем Смерти на войне, а теперь его поймали в мантии, размахивая Меткой, терроризируя людей, и он просто выходит из себя, потому что он честный член общества ? Уильям, я видел выражение лица Кости, когда Гарри показал ей палочку, и когда ты показал ей левитирующее тело, она выглядела готовой убить его.

— Неважно, Перси, — глубоко вздохнул мистер Уизли, объявляя о своем входе. «Я надеялся, что она сможет получить это от Визенгамота и прямо в DMLE, но этот человек — Лорд. Амелия даже не успела написать обвинения, как министр пожаловался, что дело должно быть рассмотрено Визенгамотом. ."

— Я не верю в это, — прошептал Перси, в полном изумлении соскальзывая со стула. Как будто ошибка Министерства стоила ему многих лет жизни.

— Единственный плюс в том, что Малфою пришлось потратить много политического капитала, чтобы избавиться от Крэбба, — пробормотал Билл.

— Что ж, мне нужно быстро приступить к работе. — сказал мистер Уизли, уже поворачиваясь к камину.

— Но Артур...

— Нет, Молли, — покачал он головой. «Это вызовет хаос во всем Министерстве. Даже Рите Скитер не удалось написать статью, в которой все это не звучало бы подозрительно. Я даже не могу представить, насколько разъяренной должна быть Амелия».

— Конечно, — почти закричал Перси, плавным движением вставая со стула с решительным блеском в глазах. «Мистер Крауч провел годы, возглавляя DMLE! Я, конечно, могу поговорить с ним и увидеть, как все изменилось с мадам Боунс! Отец, я пойду с тобой».

Мистер Уизли выглядел насмешливо раздраженным мыслью о том, что Перси каким-то образом сумеет отменить это самостоятельно, но просто кивнул. Миссис Уизли выглядела расстроенной, что они уходят до завтрака, но больше ничего не сказала.

Гарри не нужно было читать газету, чтобы понять, что произошло. Он даже не мог собраться с силами, чтобы расстроиться. Крэбб, сторонник Волдеморта на войне, которого он победил в неравной дуэли, отделался даже без пощечины. Гарри задавался вопросом, сделало ли это отрицание возможным то, что он отвлекся на Темную метку и не сумел подчинить себе четвертого волшебника. Даже Малфой не смог бы уйти с четырьмя пленными бунтовщиками, верно?

Прежде чем он успел ощутить ненависть к себе, миссис Уизли позвонила ему.

«Гарри, дорогой, ты можешь разбудить остальных? Я слишком занят готовкой, чтобы подняться туда».

«Конечно, мне просто нужно сходить в ванную, и я пойду».

"Конечно", сказала она с веселой улыбкой, как будто уступка была настолько маленькой, что

ему не нужно было просить об этом. "Идите прямо вперед."

Гарри пошел в ванную, сел на унитаз и сломал печать на письме.

Гарри,

Интересно, тукан, которого я послал тебе, доставил это письмо на клюве или когтях? Я попытался заставить существо схватить его клювом, но оно возмутилось при одной мысли, так что я думаю, что это были когти.

Я уверен, птица вас сильно напугала. Вы, вероятно, в данный момент с выводком Уизли, поэтому я попросил его доставить письмо только тогда, когда вы находитесь вне поля зрения других. Надеюсь, ему это удалось, потому что объяснить это Молли или Гермионе, не вызвав скандала, было бы невозможно.

Сейчас я где-то на Карибах, или, по крайней мере, мне так кажется. Я уверен, что нахожусь недалеко от экватора и очень далеко от Англии. Дамблдор сказал мне, что частный Целитель, которого он нанял для меня под присягой секретности после нашей встречи в Визжащей Хижине, должен уйти в отставку, и ему не удалось найти другого в Британии. Я быстро отправился в Гринготтс, но они отказываются использовать гоблинов-целителей на людях, говоря, что магия не работает так же, и ни один целитель Святого Мунго не сможет работать со мной, не предупредив DMLE. Их клятвы целителя заменяют все возможные клятвы секретности, поэтому я не могу доверять им, чтобы они не выдали мою личность.

Дамблдор указал, что единственным выходом для меня было отправиться с портключом за пределы страны, в поместье Блэк, где работали целители. И вот где я. Я люблю климат, и я безмерно наслаждаюсь пляжами и привязанностью туристов, но это явно была уловка Дамблдора, чтобы отправить меня как можно дальше от вас. Я думаю, он надеялся, что мое расстояние не позволит мне скоординировать свои действия с Гринготтсом, чтобы сделать тебя своим наследником, но мы слишком далеко продвинулись в процессе, чтобы мое отсутствие могло его остановить. Я купил Vanishing Box в Gringotts, который позволяет мне быстро писать письма Грипхуку, который связался с моим менеджером по работе с клиентами, чтобы поместить красивые буквы в мои пожелания. Итак, все, что вам нужно сделать, это сделать себя доступным Грипхуку, прежде чем отправиться в Хогвартс, и попросить «увидеть встречу с Черной материей».

Как только вы это сделаете, он отведет вас к моему менеджеру по работе с клиентами, который даст вам более подробные инструкции. Поскольку моя семья имеет наследственное место в Визенгамоте, вам дадут пурпурную мантию с вытканым на ней Черным гербом в дополнение к кольцу наследника. Обо всем этом вам гоблины подробно расскажут на встрече.

Как только мой Целитель сочтет, что я в порядке, я немедленно вернусь в Англию и буду искать способы найти Червехвоста и освободить меня. Муни тоже должен помочь мне с этим. Помни, если тебе что-нибудь понадобится, не стесняйся спрашивать меня. Я уверен, что Хедвиг полюбил бы океан.

Люблю тебя, щенок.

Сириус .

После нападения на Кубок Мира покинуть Нору стало труднее, чем было бы в противном случае, и миссис Уизли выглядела вполне подходящей для того, чтобы связать его, пока они не отправятся в Хогвартс, но с этим ничего нельзя было поделать. Гарри просто сказал, что будут последствия, если его не будет на Тисовой улице, и изобразил ошеломленное и испуганное выражение лица. Всклипнув от гнева при мысли об этих последствиях, она отпустила его. Уизли — движение настолько невероятное, что это казалось правдоподобным — все еще не закончили свои покупки, так что Гарри придется быть осторожным, чтобы не наткнуться на них в Косом переулке, но Плащ ничего не мог исправить.

Завтра его встреча с лордом Гринграссом. Сегодня он встретится с Гермионой и проведет день в Лондоне. По правде говоря, он был взволнован, увидев ее. Ему нужно было расслабиться после того, как Крэбб вышел. Обстановка в «Норе» после того дня была гораздо более подавленной и напряженной, чем обычно, и у Гарри не было такого ощущения домашнего гостеприимства, как раньше. Даже улыбки и медвежьи объятия миссис Уизли казались нерешительными и напускными. Когда даже Рон был затронут — в его случае это проявилось в том, что он даже не пытался играть в Exploding Snap или летать вокруг Норы — вы понимаете, что что-то было не так. Он наслаждался днем, проведенным в Национальной галерее с Дафной, и думал, что прогулка с Гермионой, которую он считал гораздо более близким другом, будет еще лучше.

Но до этого, Гринготтс.

Гарри как можно быстрее направился к своему зданию, краем глаза заметив, что Флитвик и Дафна рассказывают детям что-то о Хогвартсе. Похоже, это была последняя лекция, которую должны были посетить магглорожденные, и даже некоторые родители отдыхали в общей комнате. Гарри вежливо кивнул им и быстро извинился, чтобы выпустить Серену из багажника. Быстро приняв решение, Гарри накинул волшебную мантию, завязанную на бедре модифицированным ремнем, и взял кинжал и ножны. Прикрепив его прямо к правому бедру, что позволило бы ему держать его в левой руке, в то время как его правая рука взялась бы за палочку, он быстро вышел из здания в мантии. Если родители и заметили качественную черную мантию или прикрепленный кинжал, никто об этом не упомянул.

Прибыв в Гринготтс, он нашел укромное место за колонной и выбросил Плащ. Он подошел так уверенно, как только мог, к кассиру.

— Мистер Поттер просит о встрече с Крюкохватом, — сказал он твердым голосом, глядя кассиру в глаза.

— У мистера Поттера назначена встреча? — спросил гoblin одновременно скучающим и надменным голосом.

— Я хочу, чтобы Черная материя встретилась, — четким голосом сказал Гарри. Если бы банк не был так полон, он вообразил, что его голос разнесется по залу. Войти в свой властный образ, как он описал это Дафне, казалось намного проще теперь, когда он победил в бою настоящего Лорда.

При этом глаза гоблина расширились, и он тут же выпрямился. Он в спешке написал записку и быстро отправил ее, прежде чем взглянуть на Гарри гораздо более уважительно.

— Крюкохват скоро будет здесь, чтобы поговорить с вами, мистер Поттер. Гарри кивнул и стал ждать.

Через несколько минут появился Грипхук с суровым выражением лица. Отсутствие ехидства или маниакальной ухмылки у откровенно насмешливого гоблина удивило Гарри, но он сохранил самообладание.

— Пойдемте со мной, мистер Поттер, — сказал он, отворачиваясь и быстро идя вперед, даже не оборачиваясь, чтобы посмотреть, идет ли Гарри за ним. Он был.

Они шли молча. Гарри с удовлетворением отметил, что выбор обуви громко разносился по коридорам, а проходящие гоблины смотрели на него по-другому. Он заметил, что все смотрят на его кинжал. Один гоблин смотрел на него с таким благоговением, что Гарри остановился, повернулся к нему лицом и тяжело сжал свое оружие. Если бы Гарри к настоящему времени не понял, что чем более диким взгляд гоблинов бросал на вас, тем более они были довольны, резкий смех и безумный взгляд, которые он получал в ответ, испугали бы его. Вместо этого он просто отвернулся и продолжил следовать за Крюкохватом, который с удовольствием наблюдал за происходящим.

Они остановились у двери, похожей на кабинет Горнука. Единственная разница заключалась в том, что золотые контуры были золотыми, но черными, а черные вороны охраняли обе стороны серебряной дверной ручки. Пара вооруженных гоблинов-охранников попросила его палочку так же агрессивно, как и раньше, но жадный блеск в глазах одного из охранников, когда он требовал кинжал, заставил Гарри зарычать и вытащить достаточно, чтобы лезвие заблестело. Оба охранника потянулись к его оружию, но Гарри просто посмотрел на гоблинского охранника. У него сложилось впечатление, что его кинжал каким-то образом пропал бы, если бы он отдал его, и даже если его палочка была в магически ограничивающем мешочке, он не был обезоружен.

После напряженной минуты Грипхук обменялся резкими словами на тарабарском языке с обоими охранниками, после чего началась жаркая дискуссия, которая закончилась только тогда, когда из офиса донесся гулкий рык на том же языке. Охранники отступили, позволив Гарри остаться с кинжалом, и он выдохнул, затаив дыхание. Как только охранники позволили ему войти, Гарри посмотрел на их копыта и доспехи и понял, насколько глупо он только что действовал, и поблагодарил существовавшее в волшебном мире божество за то, что оно работало.

«Пусть ваш клинок сияет кровью ваших врагов, мистер Блэк», — сказал безукоризненно одетый гоблин. Табличка на его столе из красного дерева гласила, что его зовут Баргор. У гоблина, как и у Горнука, был вечно безумный вид человека, сражавшегося в одном из Восстаний гоблинов, а костюм и галстук, которые он носил, производили отчетливое впечатление волка в овечьей шкуре.

— Какое агрессивное приветствие, Баргор, — съязвил Гарри, приподняв бровь. Он проигнорировал приветствие мистера Блэка, полагая, что поймет его позже. "Я должен беспокоиться?"

"Ну, у тебя же есть клинок, не так ли? Это только для вида?" Гарри хотел сказать «ну, на самом деле, вроде бы», но подумал, что признание, что он в основном считает кинжал демонстрацией силы, не принесет ему никаких очков брауни. — Как ты ее назвал?

"Должен ли я сделать это?" — спросил Гарри, слегка сжимая упомянутое оружие правой рукой.

«Я считаю, что у любого великого клинка должно быть доброе имя», — сурово заявил Баргор, отбросив все претензии на финансы и с тоской глядя на боевой топор, который занимал почетное место на одной из стен. «Волшебники позорят честь своего оружия. Честное слово, Меч Гриффиндора, как будто владелец — самое замечательное в нем. Ба».

— Тогда я подумаю о том, как назвать его.

— Ты должен, — серьезно произнес старший гоблин, одобрительно кивнув, прежде чем ухмыльнуться и заговорщически наклониться. «Между нами, ваша комиссия произвела настоящий фурор среди наших оружейных мастеров. Они стали называть ее Клыком».

— Интересное имя, — признал Гарри, глядя на кинжал на поясе. Название действительно звучало круто и точно и лаконично отражало суть оружия. Если он не придумал лучшей альтернативы, Клык был отличным выбором.

— Согласен. Теперь поговорим о деле. Садитесь, мистер Блэк. Гарри так и сделал, и гоблин взял папку с документами. «Это все документы, проверенные и подписанные лордом Блэком, касающиеся финансов Палаты, ее членов, ее инвестиционной политики, выбора доверенных лиц Визенгамота и многого другого. Надеюсь, ваш лорд ввел вас в курс дела?»

— У меня есть, — кивнул Гарри. Понимание Черной хартии и финансовых решений, принятых предыдущими Черными главами семьи, отнимало много часов его повседневной жизни летом, а горы документов, связанных с семьей, время от времени накапливались. Многие из этого было техническим, и гораздо больше было связано с покупкой и продажей стольких галеонов, что Гарри не мог угнаться за ними. Самым интригующим во всех этих вещах было то, что Сириус назначил доверенным лицом Андромеду Тонкс, урожденную Блэк, женщину, с которой у него были хорошие отношения в детстве и которая говорила о его невиновности и, что более важно, верила в это. . Предположительно, предыдущий Глава, Арктур, исключил ее из семьи за побег с магглорожденным. Если бы это не означало изменение традиционной политики семьи

черных,

— Отлично, — сказал гоблин, откладывая папку в сторону и кладя на ее место папку поменьше. «Это документы, касающиеся вашего назначения членом семьи Блэк, чтобы вы могли унаследовать его в качестве следующего лорда Блэка. Они включают документацию ваших анализов крови, чтобы доказать достаточное кровное родство с Сириусом Блэком в соответствии с Черной хартией. и подписанные и ратифицированные юридические документы, которые позволяют ему назначать Наследника вне его чресл из-за его репродуктивного бессилия. Наконец, отказ, запрещающий Семье Малфоев требовать каких-либо политических или финансовых ресурсов Семьи Блэков после его смерти».

— Очень хорошо, — кивнул Гарри. Все идет нормально.

«Эти документы содержат юридические требования для наследования. Однако есть и магические требования», - серьезно сказал гоблин, прежде чем открыть ящик и поставить на стол маленькую коробочку. Гарри ошетинился, думая, что вот-вот столкнется с большой опасностью, и в данный момент ему очень не хватало палочки. «Этот тест больше не используется многими семьями. Слишком многие семьи боятся раствориться в длительных периодах политической неуместности, потому что их назначенные наследники считаются недостаточными. Семья Блэков, которая гордится тем, что производит могущественных волшебников и ведьм, никогда не ослабляла свою требование о том, что Кольцо Наследника должно принимать назначенного Наследника».

Гарри посмотрел на коробку, в которой, как он подозревал, было кольцо, и оглянулся на Баргора, который выглядел так, словно хотел продолжить говорить.

«Возможно, вы заметили, что я обращаюсь к вам как к мистеру Блэку. Я предполагаю, что Кольцо Наследника примет вас». Когда Гарри удивленно моргнул, гоблин просто поднял ухоженную бровь в ответ. «Мне трудно представить, что Кольцо Наследников рассматривает убийцу василиска как магически недостойного наследования. Теперь, после принятия, вы получаете двойную юридическую и политическую ответственность, исходящую от семей Поттеров и Блэков. Хотя место Поттеров не передается по наследству, он будет вашим до самой смерти и не может быть отнят до того дня. Поэтому вы можете называть себя мистером Поттером, мистером Блэком или мистером Поттером-Блэком. Когда вы сядете на Визенгамот, вы будете лордом Блэком и Лорд Поттер, но, вероятно, в своих покоях к ним чаще всего обращаются как к лорду Блэку, потому что это унаследованное место. В этой комнате ты всегда будешь мистером Блэком, потому что я менеджер по работе с клиентами Блэка».

"Понятно. По закону мое имя меняется?" — устало спросил Гарри. Если Дамблдор завладеет новой фамилией, это доставит и ему, и Сириусу массу неприятностей.

«Только если вы пожелаете, чтобы это было так, и зарегистрируйте новое имя в Министерстве».

Тогда хорошо. Что-то на черный день.

"Теперь," продолжал Баргор. «Пожалуйста, откройте коробку и наденьте Кольцо Наследника на безымянный палец правой руки. Имейте в виду, что с подписанными документами и кольцом на вашей руке Министерство ничего не может сделать, чтобы лишить вас прав как Наследника Блэка, независимо от того, что они говорят. Есть причина, по которой Семья Малфоев не смогла забрать Кольцо Наследника».

Гарри кивнул и нервно открыл коробку. Его внутренняя часть была полностью из черного бархата, с ярко сияющим кольцом в центре. Он внимательно изучил его. Лента была темно-серебристой с единственной черной лентой посередине. Печать представляла собой круг, окруженный золотой рамкой, на которой был изображен одинокий ворон на не совсем белом фоне.

Гарри осторожно поднял его и вложил в нужный палец. Поколебавшись, когда палец коснулся его ногтей, он сделал глубокий вдох и быстрым движением нырнул вниз. Удивительно, но он идеально вписался, учитывая, что в коробке он казался слишком большим. Он почувствовал легкое жжение и на мгновение запаниковал, представив, что Кольцо Наследника отвергло его. Но это чувство быстро исчезло, и он ощутил тепло, мало чем отличающееся от того, которое он помнил, когда впервые взял палочку у Олливандера.

«Поздравляю, мистер Блэк. Теперь вы официально Наследник», — сказал гoblin с блеском в глазах. Гарри предположил, что, будучи менеджером по работе с клиентами семьи, наблюдение за тем, как все рушится, должно быть, было удручающим. Баргор поднялся со стула, но жестом пригласил Гарри оставаться на месте. Он быстро подошел к большому платяному шкафу и достал светло-фиолетовый жилет чуть выше колен. Черный семейный герб с леммой *Tojours Pur*, был гордо выставлен на левой стороне груди, как раз там, где должно быть его сердце. «Это ваш жилет наследника Визенгамота. Жилет лорда Визенгамота темнее по цвету, а семейный герб находится на правой стороне груди. используйте его на каждом полном сеансе тела».

Гарри кивнул, слегка поглаживая материал кончиками пальцев. Он чувствовал магию, вытекающую из ткани, и подавил дрожь. Всю встречу Гарри был более подавленным, чем ему хотелось бы, но ощущение этой мантии, а не сурового гоблина, который дал ему ее, немного смирило его.

«Я заметил, что члены Визенгамота иногда носят мантии со своим семейным гербом?» — спросил Гарри, вспоминая день, когда он встретил Дафну.

«Если вы хотите, чтобы на мантии был виден Черный семейный герб, все, что вам нужно сделать, это предъявить кольцо наследника или, в случае главы семьи, кольцо лорда соответствующему портному. Это позволит им сплести его. в самом халате».

Гарри кивнул. У него не было планов использовать Черный гребень на груди, пока Сириус не освободится, но было бы неплохо однажды носить его открыто.

— Хорошо, мистер Блэк, — ухмыльнулся гoblin. «Теперь вы можете подвергать опасности

своих врагов с помощью Клыка».

Пожелав, чтобы Кольцо Наследника стало невидимым, потому что Гарри внезапно обнаружил, что буквально больше не может его вынимать, он вернулся в здание, которое к тому времени уже было пустым. Гарри переоделся в джинсы, чистую футболку, красивую черную куртку и удобные кроссовки.

Он подошел к Дырявому Котлу и увидел Гермиону, которая уже ждала его. На ней была белая рубашка с тонкими черными полосками, длинные рукава которой были закатаны, обнажая кожу и элегантные часы, на которые она нетерпеливо смотрела, а также пару серебряных браслетов и маленькую синюю сумочку, которую она несла на плече. На ней также была красная юбка, перевязанная тонким кожаным ремнем чуть выше талии, который заканчивался чуть ниже колен. На ногах, которые нервно шлепали по тротуару, были красные балетки. Наконец, на ней также был красный французский берет, скроенный по диагонали, который, как он предположил, она приобрела во время многочисленных поездок своей семьи во Францию. Но что заставило Гарри остановиться на полпути, так это то, что она накрасила губы ярко-красной помадой.

И мысль, которая, Гарри мог бы поклясться, никогда бы не пришла ему в голову, ясно засияла в его голове.

— Вот дерьмо, Гермиона.

Как только она услышала шум, доносящийся из Дырявого Котла, она перестала смотреть на часы и взглянула на него, широко просияв. Гарри тоже не мог удержаться от улыбки, даже сейчас он чувствовал себя совершенно раздетым, и когда она улыбнулась, он украдкой взглянул на ее губы. По красивому румянцу, появившемуся на ее лице, она, должно быть, заметила; Гарри смущенно отвел взгляд, чтобы не заметить искорки триумфа в карих глазах Гермионы. Про себя Гермиона горячо благодарила мать за советы по моде и макияжу. Обычно она не любила пользоваться косметикой, но это был особый случай.

Гермиона подозревала, что ее близкая дружба с Гарри иногда блокировала саму мысль о том, что между ними может образоваться романтическая привязанность, поэтому заставить его заметить, что она женщина, было огромным успехом в правильном направлении. По крайней мере, она твердо стояла на своем и отказалась носить высокие каблуки.

— Это Гермиона. Это так неправильно. Но опять же, черт возьми, Гермиона.

"Гарри!" — воскликнула она, крепко обнимая его. Гарри рассмеялся над ее энтузиазмом, но ответил на объятие с той же энергией. Гарри также заметил, что Гермиона пользовалась очень мягкими духами, и от приятного запаха в его голове снова пронеслась мысль «черт возьми, Гермиона». Избыток информации о том, что его лучший друг был привлекательным подростком его возраста, привел его в замешательство. С Дафной все было по-другому — с того момента, как он увидел Гринграсс, когда тот покупал котлы для маглорожденных, он понял, что она объективно привлекательна. Но пытаться связать с этим взлохмаченную девушку, с

которой он подружился из-за заблудшего тролля , было сложно.

— Ты прекрасно выглядишь, Гермиона, — открыто признал он. Если бы он не указал на это, она бы оскорбилась, и это не было ложью. Ее внешний вид напомнил Гарри, что маггловская мода действительно затмила мантии Хогвартса. На этот раз она покраснела еще сильнее, а ее глаза заблестели от счастья, так что он был рад, что решил это сказать. Тем не менее, флюиды лучшего друга, за которые он пытался удержаться, решили, что переключиться на что-то другое будет мудрым курсом действий. — Кстати, мне нравится берет.

"О, это мило, не так ли?" — сказала она, нежно поглаживая его рукой, а затем нервно поглаживая свои — теперь кудрявые и блестящие — волосы. — Ты тоже выглядишь очень красиво, Гарри.

— Спасибо, — смущенно ответил он, почесывая основание шеи. После того, сколько усилий Гермиона вложила в свой наряд, он определенно не чувствовал себя очень красивым. В своем смущении он снова пропустил очевидные признаки физического влечения со стороны ведьмы перед ним, когда ее взгляд мечтательно следовал за его рукой.

"В любом случае," она кашлянула, чтобы очистить свой разум. — Тогда пошли? Я много чего для нас запланировал.

«Конечно, ты это сделал», - шутливо сказал Гарри, внутренне крича, потому что это была часть его лучшего друга, которого он узнал, а не модного и красивого подростка перед ним. Она показала ему язык, но взяла его за руку и повела к автобусной остановке. — Куда же мы идем?

«Мы начнем день в Гайд-парке», — сказала она, помахав водителю автобуса, чтобы он впустил их. Гарри вошел в автобус и последовал за ней к месту. Гарри не понял, что Гермиона не выпустила его руку, и уж точно не жаловалась. Справедливости ради, его разум все еще кружился от того, как она выглядела, и близость позволила ее запаху проникнуть в него.

Он не чувствовал такого волнения рядом с девушкой с тех пор, как прогуливался с Дафной в Национальной галерее, и эта мысль также заставила его внутренне содрогнуться от шока. Потому что, несмотря на то, что он говорил себе тогда, он прекрасно знал, что то, что он чувствовал много раз во время свидания с Дафной, было сильным влечением. Они очень хорошо подходили друг другу, а слизеринка была поразительно красива. Проблема заключалась в том, что мысленно он все еще считал Гермиону чем-то средним между лучшим другом и сестрой, но его тело громко с ним не соглашалось .

— О черт, этого не должно было случиться. '

Гарри попытался встряхнуть головой и очистить разум. Он застелил свою постель и теперь мог лежать на ней. Если бы он был настороже, Гермионе было бы очень больно. Кроме того, Гарри ходил на что-то вроде свидания с Дафной и развлекался. Теперь он мог пойти на один с Гермионой и посмотреть, что получится.

"Почему парк?" — с любопытством спросил Гарри. Одежда Гермионы не указывала на то, что она собирается оставаться в парке. Она выглядела так, будто они собирались в ночной клуб или что-то в этом роде.

— Я тебе там скажу, — сказала она, нервно закусив губу. Гарри избегал этого зрелища, потому что, хотя влечение к Дафне было справедливой игрой, это влечение к Гермионе все еще было странным в его сознании, и часть его яростно отрицала это.

— Хорошо, — успокаивающе сказал Гарри.

Он не был уверен, кого из двоих он успокаивал.

<http://tl.rulate.ru/book/62719/1802650>